

УРАЛЬСКИЕ РОКЕРЫ
КНИГА ПЕРВАЯ

РОК-Н БУРГ

УРАЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЯ · 1982-1987

УРАЛЬСКИЕ РОКЕРЫ

Толкование: Книга I

Чернов Дмитрий
УРАЛЬСКИЕ
РОКЕРЫ. Рок-н-бург
Серия «УРАЛЬСКИЕ
РОКЕРЫ», книга 1

*<https://litres.ru/73900154>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Свердловск, 1982 год. Слава Гуляшов — сын шахтёра, погибшего под землёй, — приезжает в город с одной гитарой и одной мечтой. Здесь он найдёт группу, сцену и девушку. Здесь он узнает, что музыка — не метафора оружия. Что она и есть оружие.

Под городом дышит что-то древнее. Угро-финские духи Нижнего мира просачиваются сквозь трещины в реальности — там, где шахты пробили землю слишком глубоко. Альберт, загадочный клавишник, которого никто не видел едящим или спящим, объясняет: частота жизни и частота тьмы несовместимы. Правильная нота — и портал закрывается. Неправильная — и город умирает.

ZIMA играет на подпольных концертах, бежит от милиции, влюбляется и теряет людей. И учится тому, что каждая победа стоит чего-то настоящего.

Магический реализм. Уральская мифология. СССР, 1982–1987.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ	6
Глава 1. Поселок Угольный	6
Глава 2. Пять лет спустя	20
Глава 3. Свердловск	33
Глава 4. Тётя Лиля	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Чернов Дмитрий
УРАЛЬСКИЕ
РОКЕРЫ. Рок-н-бург
УРАЛЬСКИЕ РОКЕРЫ

Книга первая

Рок-н-бург

Уральская мифология

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ

Глава 1. Поселок Угольный

* * *

Шахта дышала.

Слава знал этот звук с детства — низкий, пульсирующий гул, который поднимался из-под земли и разливался по поселку, как кровь по венам. Старики говорили, что так дышит уголь. Что у него есть свои легкие, свое сердце, свой медленный, вековой ритм.

Слава в этот ритм не верил.

Он сидел на крыльце дома, прижимая к уху старенький транзисторный приемник, и ловил «Голос Америки». Шум глушилок перекрывал половину частот, но если прижать динамик к уху и закрыть глаза, можно было услышать.

Гитара. Там, за океаном, кто-то играл на гитаре так, что у Славы перехватывало дыхание.

— Опять эту заразу слушаешь? — мать вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук. — Выключи, отец придет с шахты, увидит — убьет.

— Он не придет, — ответил Слава, не открывая глаз.

— Чего?

— Сказал, сегодня в ночную. Не будет до утра.

Мать помолчала. Слава знал, что она сейчас смотрит на него — на его длинные, нестриженные волосы, на драные джинсы, на приемник, который он собрал сам из старых запчастей.

— Иди ужинать, — сказала она наконец. — Картошка стынет.

— Не хочу.

— Я не спрашиваю, хочешь или нет. Иди.

Слава вздохнул, выключил приемник и пошел в дом.

* * *

Поселок Угольный стоял на угольной жиле, которую начали разрабатывать еще при царе. Триста лет люди спускались под землю, выгрызали черное золото, поднимались наверх и умирали от черной пыли в легких.

Шахта была здесь всем. Кормила, поила, одевала. И убивала — не часто, но регулярно, как часы с боем.

Дом, в котором жили Гуляшovy, стоял на окраине, у самого леса. Старый, рубленый, с покосившимся крыльцом и печкой, которую топили даже летом, потому что стены не держали тепло. Слава родился здесь, в этой комнате с низким потолком и желтыми обоями в цветочек. Здесь же, на этом самом диване, его мать кормила грудью, здесь он учился ходить, здесь впервые услышал пластинку, которую отец привез из Свердловска.

За ужином молчали. Мать — Ольга Ивановна, женщина с лицом, которое не видело улыбки уже много лет, — накладывала картошку в тарелки, не глядя. Машка — младшая, четырехлетняя, вечно капризная — ковырялась в тарелке ложкой.

— Мам, а папа придет? — спросила Машка.

— Спит он, — ответила Ольга. — Не буди.

— А почему он спит днем?

— Потому что ночью работает.

Слава жевал картошку и думал об отце. Об Игоре Гуляшове — высоком, жилистом мужике с черными от угольной пыли руками и странными, немужицкими глазами. Глаза у отца были не такими, как у других шахтеров. В них не было тупой покорности судьбе. В них горел огонь — слабый, тлеющий, но живой.

Этот огонь зажигался только в одном случае: когда отец ставил пластинку.

Игорь Гуляшов собирал пластинки. Нелегально, по частям, рискуя работой и свободой. Queen, The Beatles, Deep Purple, Led Zeppelin — названия, которые в поселке Угольный не знал никто, кроме него. По вечерам, после смены, он снимал рабочую робу, умывался до красноты, надевал чистую рубашку — и садился у проигрывателя.

— Сын, — говорил он, ставя иглу на винил. — Слушай. Это не просто музыка. Это мотор. Заводит и не останавливается.

Слава слушал.

Он не понимал слов — отец переводил как умел, коверкая английский, заменяя непонятные фразы матерными и наоборот. Но он чувствовал. Чувствовал, как гитара Ричи Блэкмора врывается в уши, как ураган, сметая все: скуку, отчаяние, тоску по чему-то большому, чего он даже не мог назвать.

Это был звук свободы.

Не той свободы, о которой говорили по телевизору — плакатной, вымороченной, похожей на обещание, которое никто не собирается выполнять. А настоящей. Когда ты делаешь что-то, потому что не можешь иначе, и плевать, что скажут соседи.

— Научу тебя играть, — пообещал отец однажды.

— Правда? — Слава поднял голову, и в глазах у него было столько надежды, что отец отвел взгляд.

— Правда. На следующую зарплату куплю гитару.

Следующей зарплатой не случилось.

Игорь Гуляшов погиб в апреле 1982 года. Обвал на триста двадцатом метре. Тело не нашли — завалило породой, достать не успели, потому что могло обрушиться еще.

— Шахтерская смерть, — сказал директор шахты, пожимая руку Ольге на гражданской панихиде. — Почетная. Гордимся.

В гробу лежала пустая роба. Потому что хоронить было нечего.

Ольга стояла у гроба, и у нее было лицо, которое Слава никогда раньше не видел. Не лицо — маска. Белая, застывшая, с двумя черными дырами на месте глаз.

Машка плакала на руках у соседки.

Слава сидел на заднем ряду, сжимал в кармане сломанный медиатор — тот самый, который отец отдал ему за день до смерти, — и не плакал.

— Иди простись с отцом, — сказала кто-то из женщин, подталкивая его к гробу.

Слава не пошел.

Он сидел и смотрел на пустую робу. На медаль «За доблестный труд», приколотую к груди. На руки матери, сведенные судорогой.

И думал: «Я все равно научусь играть. Для тебя».

* * *

Вечером, когда гости разошлись и Ольга уснула за столом, положив голову на сложенные руки, Слава спустился в подпол.

Здесь, между банками с соленьями и старыми тряпками, отец прятал пластинки. Слава знал это место — отец показал ему сам, за месяц до смерти.

— Если со мной что-то случится, — сказал Игорь, глядя на сына своими странными, горящими глазами, — пластинки твои. И проигрыватель. Только никому не говори. Посадят.

— За что посадят?

— За то, что слушаем не то, что надо.

Слава достал пластинку. Не глядя — на ощупь. Потом поставил на проигрыватель, опустил иглу.

Deep Purple. «Smoke on the Water».

Гитара ударила из динамиков, и Славе показалось, что дом вздрогнул. Стены, которые помнили отца, его шаги, его голос, его руки, — они загудели в ответ.

Соседи застучали по батареям.

Ольга не проснулась.

А Слава слушал и чувствовал, как звук заполняет пустоту внутри. Как двигатель заводится с пол-оборота. Как мир вокруг перестает быть серым и безнадежным.

Он знал, что будет играть.

Он не знал, что музыка спасет его не раз.

И не знал, что однажды она спасет целый город.

* * *

Через неделю после похорон к ним пришел дядя Коля — начальник участка, в котором работал Игорь.

— Ольга Ивановна, — сказал он, мя в руках кепку. — Со-
болезную. Царствие небесное. Игорь был хорошим работни-
ком.

— Был, — сказала Ольга. — Что вы хотели?

— Да вот... компенсация. Тысяча рублей. И пенсия по по-
тере кормильца.

Ольга взяла деньги, не глядя. Сунула в карман халата.

— И еще, — дядя Коля кашлянул. — Пластинки эти...
западные. Лучше бы их сдать. А то при обыске найдут —
проблемы будут.

— Какие проблемы? — спросил Слава из-за спины мате-
ри.

Дядя Коля посмотрел на него — на его черные волосы, на
глаза, которые уже тогда горели как у отца, — и отвел взгляд.

— Такие, — сказал он. — Сидеть можно.

— Игорь их собирал, — тихо сказала Ольга. — Мы не сдадим.

Дядя Коля ушел. Слава закрыл за ним дверь и прислонился к косяку.

— Мам, — сказал он. — Ты правда не отдашь пластинки?

— Правда, — ответила Ольга. — Это все, что от него осталось.

Она посмотрела на сына. И в первый раз за эту неделю в ее глазах появилось что-то, кроме пустоты.

— Ты на него похож, — сказала она. — Сильно.

— Я знаю, — ответил Слава.

Он пошел в свою комнату, сел на кровать, достал из кармана отцовский медиатор.

Сломанный, но не выброшенный.

Как он сам.

* * *

По ночам, когда мать и Машка засыпали, Слава доставал пластинки. Ставил одну за другой, слушал, запоминал каждый аккорд, каждую паузу, каждый выдох гитариста.

Он не умел играть. У него не было инструмента. Но он учился слышать.

— Ты слышишь? — шептал он в пустоту комнаты, где когда-то сидел отец.

И комната отвечала. Скрежетом половиц, шепотом печной тяги, далеким гулом шахты, которая все еще дышала.

Слава закрывал глаза и видел себя на сцене. Под светом прожекторов. Перед тысячной толпой, которая кричит его имя.

Он знал, что это случится.

Не потому, что он был самоуверенным. А потому, что не мог иначе.

* * *

Через два месяца после смерти отца Слава впервые уда-

рил по струнам.

Гитара была самодельной — доска объявлений, которую он стащил у тети Лили из парикмахерской, струны от старой балалайки, колки из велосипедных спиц. На вид она была уродливой, звучала — еще хуже.

Но это была гитара.

Слава сидел на крыльце, прижимал инструмент к животу и перебирал струны. Звук был глухим, дребезжащим, похожим на звон консервной банки.

— Что это? — спросила Машка, высовываясь из двери.

— Гитара, — ответил Слава.

— Страшная.

— Зато моя.

Он ударил по струнам сильнее. Гитара завывала, застонала, заскрежетала — но в этом скрежете Славе послышалось что-то знакомое.

Ритм.

Тот самый, который он слышал в пластинках отца.

Он закрыл глаза и начал играть. Не мелодию — просто звуки. Грязные, неправильные, но живые.

Из дома вышла Ольга. Встала на крыльце, сложила руки на груди.

— Ты это... потише, — сказала она. — Соседи жалуются.

— Пусть жалуются, — ответил Слава, не открывая глаз.
— Я играю для папы.

Ольга помолчала. Потом развернулась и ушла в дом.

Слава играл до темноты. Пока пальцы не стерлись в кровь. Пока струны не порвались. Пока Машка не вышла и не сказала:

— Слав, мама сказала иди есть.

Он отложил гитару, посмотрел на свои руки — красные, в ссадинах, в цементной пыли, которая намертво въелась в кожу.

И улыбнулся.

— Иду, — сказал он.

Глава 2. Пять лет спустя

* * *

В 1987 году поселок Угольный выглядел так же, как в 1982-м. Те же кривые улочки, те же облезлые заборы, тот же памятник Ленину с отбитым носом. Даже собаки лаяли по тому же расписанию — в шесть утра, в обед и в десять вечера.

Но Слава изменился.

Из тощего черноволосого мальчишки с отцовским медиатором в кармане он вырос в долговязого парня с лицом, которое учительница литературы, Маргарита Степановна, каждый раз, когда он входил в класс, провожала долгим, тяжелым взглядом.

— Гуляшов, — говорила она. — Ты бы причесался.

Волосы у Славы были ниже плеч. Черные, как угольная пыль, они падали на лицо, закрывая глаза, и он носил их так назло всем. Назло Маргарите Степановне. Назло директору школы, который вызывал его на беседы раз в месяц. Назло

всему поселку, который смотрел на него как на чумного.

Одевался Слава тоже назло. Косуха — настоящая, не подделка, отец привез из Свердловска за месяц до смерти. Черная, с медной молнией, потерявшая на локтях. Джинсы — варенки, сужающиеся к низу, с дырками на коленях. На поясе — цепь, которая бряцала при каждом шаге.

В поселке Угольный таких, как Слава, называли «хиппаями» и крестились при встрече.

— Гуляшов-то, Гуляшов, — шептались старухи на лавочках. — Весь в отца. Тот тоже с западной музыкой связался. И доигрался.

Слава слышал эти шепоты. Он давно научился не обращать внимания.

* * *

В школе его не били. Пробовали — в восьмом классе трое из параллельного подкараулили за углом. Слава вышел из той драки с разбитой губой и сломанным носом. Но на земле остались лежать все трое.

После этого его боялись.

Не уважали — боялись. Это хуже. Уважение можно заслужить, страх — только усиливать. И Слава усиливал. Смотрел исподлобья. Не улыбался. Отвечал односложно.

— Ты чего такой злой? — спросила как-то новенькая девчонка из города, которую родители сослали к бабушке на лето.

— А чего мне быть добрым? — ответил Слава.

Девчонка не нашлась, что сказать.

Он шел по улице, сунув руки в карманы косухи, и слушал плеер. Старенький, советский, «Электроника-002», который он починил сам, перепаяв контакты. Внутри играла кассета с записью Deep Purple. Звук был плохой, шипящий, но Слава не замечал шипения. Он слышал гитару.

Люди на улице оглядывались. Кто-то смотрел с осуждением, кто-то — с любопытством. Маленький мальчик лет пяти, который шел за руку с отцом, показал пальцем на Славу и сказал:

— Пап, смотри, дядька страшный.

Отец дернул мальчика за руку и ускорил шаг.

Слава усмехнулся.

— Сам ты страшный, — сказал он в пустоту.

* * *

Единственным человеком в школе, который не боялся Славы и не пытался его задеть, был Пашка Макаров.

Пашка сидел с ним за одной партой. Маленький, круглолицый, с вечно взъерошенными волосами и ручкой в зубах. Он не был другом в полном смысле — скорее, соседом по парте, который не бежал от Славы, как другие.

— Слав, — сказал как-то Пашка, когда они остались вдвоем в классе. — А ты правда хочешь стать музыкантом?

— Правда, — ответил Слава, не поднимая головы от тетради.

— А как?

— Играть буду.

— На чем?

— На гитаре.

— А где гитара?

Слава поднял голову. Посмотрел на Пашку долгим, изучающим взглядом.

— Дома, — сказал он. — Самодельная.

— А настоящую не хочешь?

— Хочу. Денег нет.

Пашка помолчал. Потом полез в портфель и достал сложенную вчетверо купюру — двадцать пять рублей.

— На, — сказал он. — Это я копил на велик. Но велик подождет.

Слава смотрел на деньги и не брал.

— Зачем? — спросил он.

— А затем, что ты один во всем поселке, кто понимает,

что такое настоящая музыка, — ответил Пашка. — Остальные слушают по радио «утро в деревне» и радуются.

Слава взял деньги.

— Отдам, — сказал он.

— Знаю, — ответил Пашка и улыбнулся.

Они не стали друзьями после этого. Но что-то между ними изменилось. Какая-то ниточка, тонкая, как струна, протянулась от одного к другому.

* * *

Настоящую гитару Слава купил в Свердловске. Ездил с матерью за продуктами, увязался на рынок и нашел старую «Чешку» — выдавшую виды, с поцарапанной декой и натянутыми струнами.

— Сто двадцать, — сказал продавец — лысый мужик в кожаном фартуке.

— Сто, — сказал Слава.

— Сто десять.

— Сто пять.

— Ладно, черт с тобой. Забирай.

Слава отдал деньги. Пашкины двадцать пять, свои накопленные — с шабашек, с помощью соседям, с проданной старой одежды. Осталось три рубля на обратную дорогу.

Гитара висела на плече, тяжелая, пахнущая старым деревом и чьей-то чужой музыкой.

— Что это? — спросила Ольга, когда увидела.

— Гитара, — ответил Слава.

— Я вижу. А где деньги взял?

— Заработал.

Ольга хотела сказать что-то еще — про учебу, про будущее, про то, что музыка не прокормит. Но посмотрела в глаза сыну — черные, горящие, сумасшедшие — и промолчала.

Она узнала этот взгляд.

Так смотрел Игорь, когда ставил пластинку Deer Purple и говорил: «Слушай, сын. Это мотор».

— Ладно, — сказала она. — Играй. Только тихо.

* * *

Слава играл не тихо.

Он играл громко. Так громко, что соседи стучали по батареям. Так громко, что Машка плакала в своей комнате. Так громко, что однажды участковый пришел и сказал:

— Гуляшов, кончай безобразие.

— Я музыкой занимаюсь, — ответил Слава.

— Это не музыка. Это какофония.

— Вам не нравится? А мне нравится.

Участковый ушел, пообещав «принять меры». Меры не принял — Слава был несовершеннолетним, а у матери и так горе.

Но Слава знал, что долго так не протянет. Поселок ма-

ленький, люди злые. Рано или поздно кто-то напишет куда надо.

Поэтому он играл. Каждый день. Каждый свободный час. Разучивал аккорды по самоучителю, который выменял у проезжего студента на банку тушенки. Слушал пластинки отца, пытаясь повторить соло Ричи Блэкмора.

Пальцы стирались в кровь. Струны рвались. Гитара расстраивалась, и Слава учился настраивать ее на слух.

— Ты слышишь? — спрашивал он себя.

И слышал.

* * *

Весной 1987 года, за месяц до выпускных экзаменов, Слава шел по улице и вдруг остановился.

У столба, на котором висело объявление «Продается поросенок», стоял незнакомый парень. Лет двадцати, в такой же косухе, как у Славы, с длинными волосами, перехваченными в хвост.

В руках у парня была гитара. Настоящая — «Fender», судя

по форме головы грифа.

Парень играл. Негромко, почти про себя, но Слава услышал.

Это был Deep Purple. «Highway Star».

Слава замер.

Парень поднял голову, посмотрел на него, усмехнулся.

— Знаешь? — спросил он.

— Знаю, — ответил Слава.

— Сыграй.

Парень протянул гитару.

Слава взял. Пальцы легли на струны — непривычно, чужие лады, чужая дека, другой гриф. Но музыка была та же.

Он сыграл. Короткий отрывок, главную тему. Не чисто, не идеально, но от души.

Парень слушал, кивал.

— Неплохо, — сказал он, когда Слава закончил. — Для начинающего.

— Я не начинающий, — сказал Слава, возвращая гитару.

— А кто?

— Музыкант.

Парень рассмеялся.

— Слушай, музыкант, — сказал он. — Ты в Свердловск собираешься?

— Собираюсь.

— Приходи на Лунку. Площадь 1905 года. Скажешь, что от Вани.

— А ты кто?

— Ваня, — парень усмехнулся. — Твой двоюродный брат. Мать не говорила?

Слава замер.

— Ты... ты Ваня? Теть Лилькин сын?

— Он самый.

— А я думал, ты в армии.

— Откосил. Музыка важнее.

Ваня посмотрел на Славу долгим, изучающим взглядом.

— Ты на отца похож, — сказал он. — Сильно.

— Я знаю, — ответил Слава.

— Тогда не подведи.

Ваня хлопнул его по плечу, развернулся и пошел прочь.

Слава стоял и смотрел ему вслед.

В руке у него остался медиатор. Тонкий, пластиковый, с надписью «Fender».

Ваня забыл? Или оставил специально?

Слава сжал медиатор в кулаке.

«Приду», — подумал он. — «Обязательно приду».

Он не знал тогда, что эта встреча изменит все.

Глава 3. Свердловск

* * *

Автобус тронулся в шесть утра.

Слава сидел у окна, прижимая к груди гитару в чехле — старом, драном, перешитом из солдатского вещмешка. Рядом, на сумках в проходе, устроилась Ольга. Машка спала у нее на руках, свесив голову.

— Ты бы положил гитару в багаж, — сказала Ольга. — Место заняла бы.

— Не положу, — ответил Слава.

— Боишься, украдут?

— Не украдут. Но гитара должна быть рядом.

Ольга вздохнула. Она давно перестала спорить с сыном о гитаре. Бесполезно.

Автобус полз по разбитой дороге, подпрыгивая на ямах.

За окном тянулись поля, перелески, редкие деревни с покосившимися домами. Постепенно пейзаж менялся — полей становилось меньше, домов больше, пока наконец дорога не уперлась в стеллу с надписью «Свердловск».

Город начинался с панельных девятиэтажек. Серых, одинаковых, как солдаты в строю. Потом пошли заводские трубы — высокие, кирпичные, с рыжими подпалинами. Потом — старые купеческие особняки, трамвайные линии, широкие проспекты.

Слава прижался лицом к стеклу.

В Свердловске он был всего несколько раз — с отцом, по делам. Тогда он был маленьким и не запомнил ничего, кроме запаха бензина и шума. Сейчас город выглядел иначе. Большим. Шумным. Опасным. Живым.

— Нравится? — спросила Ольга, заметив его взгляд.

— Не знаю еще, — ответил Слава. — Посмотрим.

* * *

Чкаловский рынок встретил их гамом, запахами и толпой.

Сотни людей толкались в узких проходах между палатками. Продавцы выкрикивали цены, покупатели торговались, дети плакали, собаки лаяли. Пахло жареным мясом, дешевой парфюмерией, бензином и потом.

— Никуда не отходи, — сказала Ольга, когда они вышли из автобуса. — Я быстро.

— Мам, ты обещала, что мы сразу в институт поедem, — напомнил Слава.

— И поедem. Но мне нужно кое-что купить.

— Что?

— Колготки.

— Колготки? — Слава скривился. — Мы из-за колготок в Свердловск поехали?

— Не из-за колготок. Но раз уж приехали...

Ольга взяла Машку за руку и нырнула в толпу.

Слава остался стоять у входа, прижимая к себе гитару. Люди обтекали его, как вода камень. Кто-то толкнул плечом,

кто-то чертыхнулся, кто-то посмотрел с любопытством на длинные волосы и косуху.

— Эй, парень, — окликнул его голос сбоку. — Гитару продаешь?

Слава обернулся.

Перед ним стоял мужик в кожаной кепке и с золотым зубом. Руки по локоть в татуировках.

— Нет, — ответил Слава.

— А зря. Хорошая вещь. Я бы дал сто рублей.

— Она стоит больше.

— Ты торгуешься? Мне нравится. Сто двадцать.

— Не продается.

Мужик сплюнул сквозь зуб.

— Ну смотри. Дороже не дам.

Он ушел, растворился в толпе.

Слава выдохнул.

— Приехали, — сказал он сам себе. — Ни дня без приключений.

* * *

Ольга вернулась через полчаса. Красная, запыхавшаяся, с двумя пакетами в руках.

— Успела, — сказала она, переводя дух. — Теперь можно и в институт.

— А колготки? — спросил Слава.

— Какие колготки?

— Ты за ними пошла.

— А, — Ольга махнула рукой. — Не было. В следующий раз.

Слава хотел сказать, что это он уже слышал, но промолчал.

Они пошли к автобусной остановке. Машка капризничала, просилась на руки. Ольга несла пакеты, Слава — гитару, Машка — ныла.

— Слава, возьми Машку, — сказала Ольга. — У меня руки заняты.

— А гитару куда?

— На плечо повесь.

— Не повешу. У нее гриф хрупкий.

— Тогда сам носи свои пакеты.

Слава вздохнул, взял Машку на руки. Она тут же перестала ныть и вцепилась ему в волосы.

— Не дергай, — сказал Слава.

— А почему у тебя волосы длинные? — спросила Машка.

— Потому что.

— А у мамы короткие.

— У мамы другие проблемы.

Ольга услышала, но ничего не сказала.

Они шли по перрону железнодорожного вокзала — автобусная остановка была с другой стороны здания. Поезда гудели, пассажиры сновали туда-сюда с чемоданами и детьми, диктор объявлял прибытие Транссибирского экспресса.

Слава не слушал диктора. Он смотрел на гитару и думал о том, как подаст документы в институт, как будет учиться, как найдет время для музыки.

А потом диктор сказал:

— Внимание. Двенадцатый путь, шестая платформа. Прибытие Транссибирского экспресса из Москвы. Встречающих просим пройти к платформе.

Слава поднял голову.

— Мам, — сказал он. — Ты слышала?

— Что? — Ольга оглянулась.

— Транссибирский экспресс.

— Ну и что?

— Там Дэвид Боуи.

* * *

Ольга посмотрела на сына так, будто он только что объявил, что летит на Луну.

— Кто? — переспросила она.

— Дэвид Боуи! — Слава чуть не подпрыгнул на месте, забыв про Машку на руках. — Певец! Рок-звезда! Мам, ты что, не слышала о нем?

— Я слышала о Достоевском, — сказала Ольга. — О Брежнев. О хоккеисте Харламов. А этого... как его... не слышала.

— Мам, это легенда! Он как... как Гагарин, только в музыке.

— Гагарин в космос летал, — резонно заметила Ольга. — А этот куда?

— На сцену! Мам, мне нужно его увидеть. Это шанс всей жизни.

Ольга хотела сказать, что у них нет времени, что автобус уйдет через час, что ей еще нужно забрать документы из института, что она устала, что у нее болит голова. Но она посмотрела в глаза Славе — в эти черные, горящие, сумасшедшие глаза, которые так напоминали ей Игоря в молодости, — и поняла, что спорить бесполезно.

— Где эта платформа? — спросила она.

Слава уже бежал, прижимая Машку к груди.

— Шестая! За мной!

* * *

Он перепрыгнул через чей-то чемодан, обогнул старуху с клюкой, чуть не врезался в милиционера, который свистнул ему вслед. Ольга бежала за ним, спотыкаясь, роняя пакеты, чертыхаясь.

— Слава! Стой! Убьешься!

— Не убьюсь! Быстрее!

Они добежали до шестой платформы за минуту до прибытия поезда.

Состав был длинным, синим, с эмблемой РЖД на боку. Но он выглядел не так, как обычные советские поезда. Окна были затемнены, проводники в аккуратной форме стояли у каждой двери, проверяя билеты.

Пассажиров было много. И все они выглядели... странно. Женщины в шляпках, мужчины в костюмах с галстуками, люди с кейсами, похожими на дипломатические. И среди них — группа молодых людей, которые держались особняком. У них были странные прически, яркая одежда, и все они смотрели в одну сторону.

Туда, где из вагона выходил человек в синем костюме с широкими плечами.

Слава узнал его сразу.

Дэвид Боуи.

Высокий, худой, с острыми скулами и глазами разного цвета — один голубой, другой карий. Волосы зачесаны назад, костюм сидит идеально, ботинки сверкают.

Слава замер.

— Мам, — прошептал он. — Это он.

Ольга посмотрела на Боуи, потом на Славу.

— Волосы у него короткие, — сказала она. — А ты говорил — рок-звезда.

— Мам, пожалуйста, помолчи.

* * *

Поклонников было человек двадцать — не больше. Они выстроились в очередь у вагона. Боуи стоял у двери, улыбался, пожимал руки, что-то говорил каждому. Говорил по-английски, и никто не понимал ни слова, но это не имело значения.

Слава встал в очередь последним.

Перед ним была девушка — его ровесница, с короткой стрижкой, в джинсовой куртке, вся какая-то острая, угловатая, живая. Она обернулась, посмотрела на Славу — сначала на гитару, потом на косуху, потом на лицо.

— Ты местный? — спросила она.

— Из области, — ответил Слава.

— А чего тогда здесь делаешь?

— Хочу на него посмотреть.

Девушка усмехнулась.

— Посмотреть? Стоял бы тогда в сторонке. А ты встал в очередь.

— И что?

— А то, что очередь — для тех, кто хочет с ним поговорить.

Слава замялся.

— Я... я не знаю английского.

— Он не кусается. Скажи «hello» и улыбнись.

— А ты?

— А я скажу, что он гений, и попрошу автограф. В пятый раз.

— Пятый?

— Я езжу за ним. Москва, Ленинград, теперь вот Свердловск. У него тур по Транссибу.

Слава посмотрел на девушку с новым интересом.

— И зачем?

— Затем, что он меняет мир, — ответила девушка. — Ты это поймешь, когда он тебе в глаза посмотрит.

Очередь двинулась.

Девушка шагнула вперед, протянула руку. Боуи пожал ее, что-то сказал. Она ответила, быстро, без запинки. Боуи улыбнулся, достал из кармана ручку и что-то написал на ее программке.

Потом посмотрел на Славу.

* * *

Слава стоял перед Дэвидом Боуи и не мог вымолвить ни слова.

Рот открывался и закрывался, как у рыбы. Внутри все кричало: «Скажи что-нибудь! Что угодно! Не молчи!»

Боуи смотрел на него. Спокойно, чуть насмешливо, но без презрения. Как смотрят на котенка, который залез на дерево и не может слезть.

— Ні, — сказал Боуи.

— Хай, — выдавил Слава.

— You are a musician?

Слава не понял всех слов, но слово «музыкант» узнал. Он сжимал в руках чехол с гитарой, и Боуи смотрел на него, на эти длинные пальцы, которые столько ночей стирали в кровь.

— Да, — сказал Слава. — Я музыкант.

Боуи улыбнулся шире.

— Good luck, — сказал он. — The world needs more music.

Потом он развернулся и зашел в вагон.

Дверь закрылась. Поезд тронулся.

Слава стоял на платформе, сжимая в руке чехол с гитарой, и смотрел вслед уходящему составу.

— Я же говорила, — сказала девушка, подходя к нему. — Он меняет мир.

— Он сказал, что миру нужно больше музыки, — тихо произнес Слава.

— И что?

— Я сделаю. Я сделаю больше музыки.

Девушка посмотрела на него — на этого странного парня в косухе, с длинными волосами, с горящими глазами — и вдруг поняла, что он не шутит.

— Полина, — сказала она, протягивая руку.

— Слава.

— Ты надолго в Свердловск?

— Навсегда, наверное. Поступать приехал.

— В УПИ?

— А ты откуда знаешь?

— Все музыканты поступают в УПИ. Там общежитие дешевое.

Полина достала из кармана ручку и написала на его руке номер.

— Приходи на Лунку, — сказала она. — Завтра вечером. Площадь 1905 года. Скажешь, что от Полины.

— Мне уже говорили «приходи на Лунку», — сказал Слава. — Ваня говорил.

— Ваня? — Полина подняла бровь. — Ты знаком с Ваней?

— Он мой двоюродный брат.

— Мир тесен, — усмехнулась Полина. — Тогда тем более приходи.

Она развернулась и ушла, растворившись в толпе.

Слава стоял, смотрел на номер на руке и улыбался.

Ольга подошла, взяла его за плечо.

— Сынок, — сказала она. — Автобус через сорок минут.

— Успеем, — ответил Слава.

Он посмотрел на перрон, где только что стоял поезд с Дэвидом Боуи. Потом на гитару в чехле.

— Мам, — сказал он. — Ты не поверишь, что сейчас произошло.

— Я видела, — ответила Ольга. — Ты стоял как истукан с чехлом в руках и ни слова не сказал.

— Он говорил со мной, мам. Дэвид Боуи говорил со мной.

— И что он сказал?

— Он сказал... — Слава запнулся. — Он сказал, что миру нужно больше музыки.

Ольга вздохнула.

— Ну что ж, — сказала она. — Давай делать больше музыки. Только сначала подай документы в институт.

Они пошли к выходу с вокзала. Слава шел впереди, высокий, прямой, с гитарой за спиной. Ольга — за ним, с Машкой на руках и пакетами в зубах.

— Мам, — сказал Слава, не оборачиваясь.

— Что?

— А ты знаешь, что у Дэвида Боуи глаза разного цвета?

— Серьезно?

— Серьезно.

— И как ты это заметил?

— А я смотрел.

Ольга покачала головой.

— Странный у тебя кумир, сынок.

— Зато настоящий, — ответил Слава.

Они вышли на улицу, где их ждал автобус до Угольного.

Но Слава знал, что в Угольный они уже не вернутся.

Не по-настоящему.

Глава 4. Тётя Лиля

* * *

В Свердловск они переехали через месяц.

Ольга оформляла документы, продавала дом в Угольном, собирала вещи. Слава помогал молча, без жалоб, но каждую свободную минуту брал гитару и уходил в лес — играть, чтобы соседи не стучали по батареям.

Машка плакала, не хотела уезжать.

— Там же бабушка Зина, — говорила она. — И собачка Жучка.

— Бабушка Зина умерла, — терпеливо объясняла Ольга. — А Жучку мы отдали соседям.

— Я хочу к Жучке!

— Маша, прекрати.

Слава сидел на крыльце, перебирал струны и смотрел на

поселок. На эти кривые улочки, на покосившиеся заборы, на памятник Ленину с отбитым носом. Он не жалел о том, что уезжает. Он жалел о том, что не может забрать с собой отца.

Пластинки упаковали в отдельный ящик. Слава нес его сам, не доверяя никому.

— Осторожно, — говорил он грузчикам. — Там хрупкое.

— Что, хрусталь? — спрашивал грузчик.

— Важнее, — отвечал Слава.

Грузчик не понимал, но спорить не стал. Парень с длинными волосами и горящими глазами выглядел так, будто мог и ударить.

* * *

Тётя Лиля жила в двухкомнатной квартире на окраине Свердловска, в старом сталинском доме с высокими потолками и широкими лестничными клетками.

Когда Ольга, Слава и Машка вошли в подъезд, запахло кошками и капустным супом.

— Третий этаж, — сказала Ольга, запыхавшись после двух пролетов с чемоданами.

— Я знаю, — ответил Слава. — Я здесь был.

— Когда?

— Маленьким. С отцом.

Ольга промолчала. Она старалась не говорить об Игоре при детях — слишком больно.

Они позвонили. Дверь открыла тётя Лиля — невысокая, полноватая женщина с добрым лицом и руками, которые пахли пирогами.

— Оленька! — воскликнула она, обнимая Ольгу. — Как же я рада! Проходите, проходите!

— Здравствуйте, тётя Лиль, — сказал Слава.

Тётя Лиля посмотрела на него, и глаза у нее стали влажными.

— Господи, какой вымахал, — сказала она. — Помнишь, я тебя маленьким в тазике купала?

— Помню, — ответил Слава. — Вы меня мылом терли, и я плакал.

— Потому что грязный был, как чертенок. А теперь вон какой... — она не договорила, потому что заплакала.

Ольга обняла ее, повела на кухню.

— Лиль, не надо, — сказала она. — Всё хорошо.

— Знаю, — всхлипнула тётя Лиля. — Просто Игоря вспомнила. Как две капли...

Она не договорила.

Слава прошел в комнату, которую ему выделили — бывшую комнату Вани. Здесь пахло табаком, гитарными струнами и молодостью. На стенах висели плакаты — Queen, The Beatles, Deep Purple. На столе — стопка журналов «Ровесник» и старая гитара в углу.

Слава подошел к гитаре, провел пальцами по струнам.

Инструмент был расстроен, но живой.

— Это Ванина? — спросил он, когда тётя Лиля зашла с чаем.

— Его, — ответила тётя Лиля. — Он разрешил тебе пользоваться. Сказал, что уезжает надолго.

— А куда он уехал?

— В Москву. Сказал, что там больше возможностей для музыки.

Тётя Лиля поставила чай на стол, села напротив.

— Слава, — сказала она. — Ты тоже хочешь стать музыкантом?

— Да, — ответил Слава без колебаний.

— А мать что говорит?

— Мать говорит, что нужно сначала получить образование.

— Она права.

— Знаю. Но музыка — это не хобби. Это... — он замол-

чал, подбирая слова. — Это как дышать.

Тётя Лиля посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Ты точно Игорёк, — сказала она. — Он тоже так говорил.

— И что вы ему ответили?

— Я сказала: «Играй, пока можешь. Потом будет поздно».

Слава взял гитару, начал настраивать.

— А Ваня? — спросил он. — Он тоже так считает?

— Ваня считает, что нужно ехать в Москву и пробиваться любой ценой.

— А вы?

— А я считаю, что музыка должна быть в радость, а не в тягость.

Тётя Лиля встала, пошла к двери. На пороге остановилась.

— Слава, — сказала она. — Береги мать. Она у тебя одна.

— Знаю, — ответил Слава.

Тётя Лиля ушла.

Слава остался один в комнате Вани, с его гитарой, его пластинками, его журналами. Он чувствовал себя завоевателем, который вошел в чужой город и теперь должен доказать, что достоин здесь остаться.

Он взял гитару и начал играть.

Негромко, чтобы не мешать матери и тёте Лиле на кухне.

Но от души.

* * *

На следующий день приехал Ваня.

Он влетел в квартиру с гитарой за спиной, с рюкзаком и с таким видом, будто только что объехал полмира.

— Мам, я дома! — крикнул он с порога.

— Ваня! — тётя Лиля выбежала навстречу, обняла, расцеловала. — А я думала, ты в Москве!

— Был. Вернулся. Надолго.

— А как же возможности?

— Возможности никуда не денутся. А вот мама у меня одна.

Тётя Лиля заплакала снова. Ваня обнимал ее, гладил по голове и улыбался Славе через ее плечо.

— Здорово, брат, — сказал он.

— Здорово, — ответил Слава.

Они пожали руки — крепко, по-мужски.

— Вижу, гитару мою взял, — сказал Ваня, кивая в сторону инструмента.

— Тётя Лиля разрешила.

— Правильно сделала. Мне она пока не нужна.

— А на чем ты играешь?

Ваня снял с плеча чехол, открыл.

Внутри была гитара — новая, блестящая, с надписью «Gibson» на голове грифа.

— Вот это да, — выдохнул Слава.

— Москва, — усмехнулся Ваня. — Там такие вещи продаются, если знать где.

— Дорого?

— Не важно.

Ваня закрыл чехол, поставил в угол.

— Слушай, Слава, — сказал он. — Ты на Лунку-то пришел?

— Нет еще. Только переехали.

— Тогда сегодня пойдем. Познакомлю тебя с нашими.

— С какими нашими?

Ваня усмехнулся.

— С теми, кто делает настоящую музыку.

* * *

Вечером они вышли из дома.

Город уже зажигал фонари — тусклые, желтые, кое-где мигающие. На улицах было пусто — только редкие прохожие, спешащие по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.